

СИБИРСКИЙ ФОЛЬКЛОР И ПРОИСХОЖДЕНИЕ НА-ДЕНЕ*

Удалось выявить шесть фольклорных мотивов, общих для носителей языков на-дене в Северной Америке и народов Южной Сибири. В подобном сочетании данные мотивы больше нигде не встречаются. Проникновение на-дене в Америку связано с миграцией носителей дюктайской культуры; отсутствие параллелей фольклору на-дене на территории Якутии, Колымы, Чукотки и Камчатки закономерно – дюктайцы ушли на Аляску, а их наследие было стерто волнами нового населения. Фольклорные мотивы, общие для на-дене и народов Сибири, восходят к традициям южных соседей дюктайцев. На пространстве от Алтая до Забайкалья демографическая плотность была выше, чем на территории, лежащей севернее, поэтому остатки «палеолитического» фольклора могли сохраниться, несмотря на многократную смену языка.

Ключевые слова: заселение Америки, фольклор Сибири, фольклор индейцев Америки, дене-енисейская гипотеза, сино-кавказская гипотеза, атапаски, дюктайская культура.

DOI: 10.17746/1563-0102.2015.43.1.122–134

Введение:

дене-енисейская гипотеза и ее критика

Вопрос о происхождении языков на-дене входит в комплекс проблем, связанных с заселением Нового Света. Большинство представителей этой языковой семьи живут либо жили до недавних пор на территориях внутренних районов Аляски и Западной Канады [Krauss, 1980, p. 910]. В основном это атапаски. К семье на-дене относится также недавно вымерший язык эяк на юге Аляски и язык тлинкитов на побережье и островах Юго-Восточной Аляски. Э. Сэпир, первым описавший семью на-дене, включил в нее и язык хайда на о-вах Королевы Шарлотты. Статус хайда неясен, большая часть лингвистов доводы Сэпира отвергает [Campbell, 1997, p. 114–115; Foster, 1996, p. 76–77; Kari, Potter, 2010, p. 26].

*Работа поддержана грантом РНФ 14-18-03384; благодарим Дж. Бенгтсона, Э. Вайду, Д.Н. Дувакина, И. Пейроса, Г.С. Старостина и М.П. Дьяконову за критические замечания и предоставленные материалы.

Считается, что атапаскские языки начали расходитьсь ок. 3 тыс. л.н., эяк отделился от протоатапаскского во II тыс. до н.э., тлинкитский разошелся с эяк-атапаскским тысячелетием раньше [Краусс 1981, с. 154–155; Campbell, 1997, p. 110; Foster, 1996, p. 76; Golla, 2007, p. 71–72; Krauss, 1973, p. 953; 1980, p. 951]. Дж. Кэри – один из ведущих специалистов в данной области – предположил, что по ряду причин атапаскские языки менялись медленнее других и появление протоатапаскского можно датировать чуть ли не финальным плейстоценом [Kari, 2010, p. 208–209]. Остальные лингвисты сомневаются в правоте Кэри, но важно другое: какие-то языки на-дене, чьи потомки не сохранились, на протяжении тысячелетий могли использоваться примерно на той же территории Субарктики, на которой бытовали северные атапаскские языки в недавнее время. Об этом свидетельствует отсутствие заметных изменений в археологических материалах Западной Субарктики эпохи голоцена. Следов доатапаскской топонимики на данной территории также не найдено [Boraas, 2007].

В 804 г. н.э. в результате взрывного извержения вулкана Черчилл на границе Аляски и Юкона значительная территория Западной Субарктики оказалась покрыта пеплом. Предполагается, что именно это событие вызвало миграцию атапасков на юг – в районы близ берега Тихого океана (Вашингтон, Орегон и север Калифорнии) и во внутриконтинентальные районы в направлении к американскому Юго-Западу [Gilmore, 2006, p. 2]. По современным данным, обе миграции происходили одновременно [Magne, Matson, 2010, p. 225], хотя ранее считалось, что продвижение в прибрежные районы началось раньше [Krauss, 1980, p. 919]. Небольшие тихоокеанские группы оказались в инокультурном окружении, и выявить в их фольклоре принесенные с севера элементы проблематично. Иная ситуация с южными атапасками – апачами и навахо. Около 500 л.н. их предки заняли те территории на американском Юго-Западе, которые после засухи XII–XV вв. почти обезлюдили. Результаты генетического анализа свидетельствуют о смешении южных атапасков с пуэбло [Cavalli-Sforza, Menozzi, Piazza, 1994, p. 323–324, figs. 6.9.2, 6.10.1, 6.10.2], а этнографического – о культурном влиянии пуэбло на атапасков, однако в фольклоре апачей и навахо легко выявляются традиции, принесенные из Канады [Tyhurst, 1975]. К южной ветви относится и язык тех атапасков, которые оказались на Великих Равнинах в симбиозе с кайова. Фольклор кайова-апа-

чей в основном отражает влияние соседних степных племен (рис. 1).

Языки на-дене занимают в Америке особое положение. Даже Дж. Гринберг, объединивший остальные индейские языки в одну суперсемью, оставил на-дене за ее пределами [Greenberg, Turner, Zegura, 1986]. И если для большинства других индейских языков гипотезы, касающиеся их родства с языками Евразии, высказывались редко, и к ним мало кто относился всерьез, то для семьи на-дене подобные сопоставления предлагались многими крупными лингвистами [Bengtson, Starostin, 2012, p. 1–3; Krauss, 1980, p. 963–964]. На-дене сопоставляли с теми семьями и языковыми изолятами Старого Света, которые С.А. Старостин объединил в рамках сино-кавказской макросемьи [1984], хотя сам изучением на-дене специально не занимался. В 2007 г. американский лингвист Э. Вайда привел доказательства близости к на-дене енисейской семьи, большинство языков которой, кроме кетского, вымерли [Vajda, 2010a, b]. Ранее к выводу о близости енисейцев и на-дене пришел М. Рулен, работавший по другой методике [Ruhlen, 1998]. Выводы Вайды вызвали большой резонанс среди американских лингвистов. На состоявшейся в 2009 г. конференции по проблеме связей енисейских и на-дене языков (Athabaskan/Dene Language Conference, Berkeley, California) дене-енисейская гипотеза была признана по сути доказанной.

Рис. 1. Ареалы енисейских и на-дене языков в Сибири и Америке (1–7), аналогий фольклору на-дене на юге Сибири (8).

1 – енисейские языки в XVII в. [Долгих, 1960, вкл. после с. 515]; 2 – эяк; 3 – тлинкитский; 4 – северные атапаскские; 5 – тихоокеанские атапаскские; 6 – южные атапаскские (апачские); 7 – кайова-апачский.

Вскоре после этого многие (хотя и не все) доводы, приведенные Вайдой в пользу родства енисейцев и на-дене, были отвергнуты Г.С. Старостиным. Он пришел к выводу, что енисейская ветвь хотя и является частью дене-кавказской макросемьи, но либо занимает в ней наиболее удаленное положение и противостоит остальным, либо сближается с сино-тибетскими, однако никак не с енисейскими языками [Starostin, 2012, p. 136–137; Bengtson, Starostin, 2012, p. 4–5]. С учетом вероятного времени миграции предков на-дене в Америку (финальный плейстоцен, о чем ниже) и наличия в ряде других сино-кавказских языков общей лексики, отражающей зарождение производящего хозяйства («собака», «свинья», «просо») [Ibid., p. 20–21], первое предположение исторически наиболее правдоподобно.

Организаторы конференции в Беркли надеялись, что археологи, генетики и фольклористы представят собственные данные, указывающие на древние контакты представителей рассматриваемых языковых семей. Однако специалисты по смежным дисциплинам такой поддержки лингвистам не оказали. Кеты в некоторых отношениях генетически близки к индейцам, но конкретных параллелей с на-дене у них нет [Scott, O'Rourke, 2010, p. 123–127]. Фольклорных мотивов, эксклюзивно связывающих кетов и на-дене, выявить также не удалось [Berezkin, 2010].

Южно-сибирские параллели в фольклоре на-дене

Отсутствие у кетов и атапасков черт близкого сходства в фольклоре не означает, однако, возможности отдаленного языкового родства между ними. Кеты лишь недавно продвинулись далеко на север, а енисейские языки ранее были распространены в более южных районах Сибири (рис. 1). Известный нам кетский фольклор близок к фольклору селькупов, ненцев и других народов Западной Сибири. Фольклор же енисейских народов, живших в предгорьях Саян и в междуречье Ангары и Енисея, безвозвратно утрачен. Если же особая близость енисейцев и на-дене в пределах дене-кавказской семьи иллюзорна (часть лингвистов сомневается даже в существовании самой этой семьи), то и поиски связей между носителями енисейских и на-дене языков, основанные на материалах других дисциплин, бессмысленны.

Важен другой аспект проблемы. Фольклор отдельных групп американских аборигенов нередко обнаруживает системные параллели с фольклором жителей определенных регионов Старого Света, например, обитателей Великих Равнин, алгонкинов, сэлишей, эскимосов и даже индейцев востока Южной Америки [Березкин, 2003, 2005, 2010а, в; Berezkin,

2002; Yamada, 2009; и др.]. И только для языковой семьи, локализованной почти у самого Берингова пролива, евразийские фольклорные аналоги отсутствуют. Мы имеем в виду не совпадение отдельных мотивов (они есть между почти любыми парами фольклорных традиций) и не сходство групп мотивов в тех случаях, когда соответствующие тексты не специфичны для на-дене, а характерны для других языковых семей, в частности эскимоско-алеутской. Речь идет о комплексе элементов, специфичном именно для на-дене и определенного региона в пределах Старого Света.

Систематический анализ данных по фольклору Евразии позволил, наконец, обнаружить такие связи. Прослежено распространение шести мотивов, получивших в нашем электронном каталоге (<http://www.ruthenia.ru/folklore/berezkin>) номера H23 («жирные рога»), B50 («ложь кровососа»), I6 («птицы, несущие бурю»), K27уу («за птицей на дерево»), K27p1 («антагонист в облике зверя») и L99 («принеси шампур!»). Все они связывают на-дене с территориями от Алтая до Прибайкалья. В Евразии у некоторых мотивов есть далекий западный «шлейф» (вплоть до Атлантики), который нас сейчас не интересует, важно, что эти мотивы представлены на юге Сибири, причем именно южно-сибирские варианты более всего напоминают индейские.

Начнем с мотива H23: съедобный объект, содержащий жир или костный мозг, стал несъедобным (рис. 2). На американском Юго-Западе мотив отмечен у навахо [Haile, 1984, p. 78–81; Matthews, 1994, p. 96–97; O'Bryan, 1956, p. 40–44], западных апачей [Goddard, 1919, p. 138; Goodwin, 1994, p. 173, 175–176], а также у хопи [Wallis, 1936, p. 43], которые атапаскам не родственны, но на протяжении 500 лет находятся с ними в контакте. Во всех случаях говорится о том, как охотник на горных баранов решил оставить себе рога, содержавшие костный мозг. Койот, чьи надежды получить лакомство не оправдались, сделал рога костяными. В Субарктике параллель этому мотиву есть в мифе каска Юкона, в фольклоре которых вообще полнее всего представлены мотивы, связывающие северных атапасков с южными. В варианте каска две сестры становятся женами сверхъестественного охотника, главная пища которого – состоящие из жира рога диких баранов. Теща жадно ест этот жир и умирает [Teit, 1917, p. 466–467]. Согласно мифу атапасков коюкон на северо-западе Аляски, из жира состояли не бараньи рога, а древесные грибы на березе. Ворон решил, что люди, имея столь богатый источник пищи, перестанут работать, и сделал березовый гриб несъедобным [Nelson, 1983, p. 56]. В кетском варианте вместо ворона действует персонаж по имени Kalmisim. Чтобы жизнь людей не стала чересчур беззаботной, он сделал напоминав-

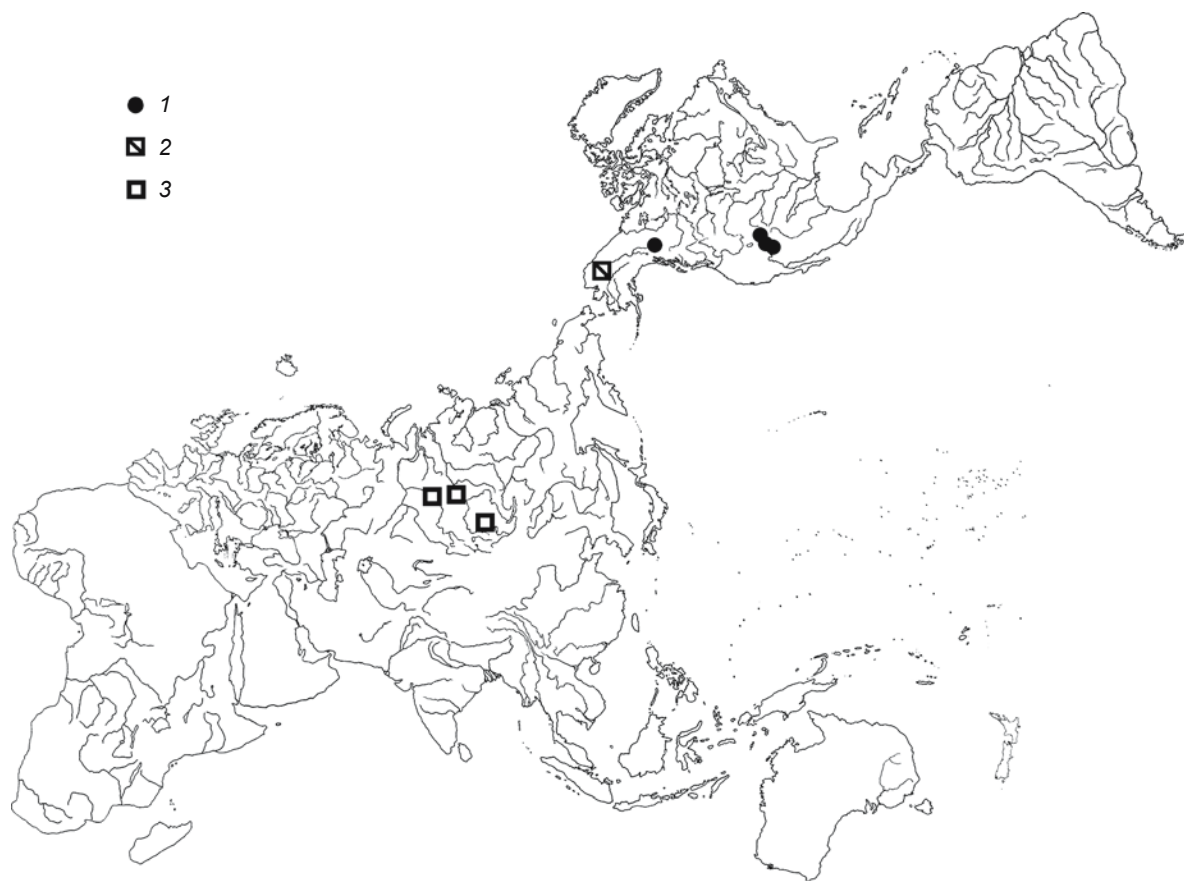

Рис. 2. Ареалы мотива «жирные рога» (H23).

1 – рога горных баранов были наполнены костным мозгом, вкусны и питательны; 2 – древесные грибы состояли из жира; 3 – сердцевина стволов деревьев была как жир или костный мозг.

шую костный мозг сердцевину древесных стволов жесткой и несъедобной [Donner, 1933, p. 92]. Тот же мотив есть у хантов: некий персонаж хотел внести в деревья съедобную сердцевину и сделать древесные грибы пригодными в пищу [Карьялайнен, 1995, с. 279]. В саянском варианте, записанном у тофаларов [Рассадин, 1996, с. 18], женщина, запачкавшая одежду при извлечении жира из стволов, стала сердиться. За это бурхан сделал деревья несъедобными, поместив весь жир в кедровые шишки.

Сходство сибирских вариантов с вариантом коюкон столь же несомненно, как и сходство вариантов южных атапасков и записанных у каска. В мифах достаточно близко родственных по языку каска и коюкон меньше общих деталей, но основной мотив одинаков – ныне жесткий и несъедобный объект был жирным и вкусным. Следует подчеркнуть, что речь не идет о любых представлениях об утраченном изобилии – они встречаются по всему миру. В определенных регионах эти представления отражены, однако, в конкретных сюжетах, которые регионально всегда специфичны [Березкин, 2013, с. 120–126]. Вариант со съедобными рогами, грибами и древеси-

ной характерен только для на-дене, тофаларов, кетов и хантов. Поскольку данных мотивов у манси и других финно-угров нет, можно предположить, что они попали в северные районы Сибири из Саяно-Алтайского региона.

Тексты с мотивом B50 повествуют о том, как опасный персонаж хочет узнать у насекомого-кровососа, где оно напилось крови или чья кровь или плоть вкуснее. Насекомое намеренно лжет либо другой персонаж не дает ему сказать правду (вырывает язык). Поэтому опасный персонаж выбирает объектом своей агрессии не людей, а животных или растения (рис. 3).

В Америке мотив «ложь кровососа» зафиксирован не только у на-дене, однако версии на-дене (танайна, талтан и эяк) наиболее разнообразны. В мифе аляскинских танайна герой попадает к людям, которые варят кровь, и говорит дятлу, что это пихтовый сок. Если бы герой сказал правду, дятлы долбили бы не деревья, а людей [Tenenbaum, 1984, p. 73–75]. В варианте талтан комар лжет древоточцу, будто напился крови деревьев, по этой причине древоточцы питаются древесиной, а не человеческой плотью [Teit, 1919, p. 243].

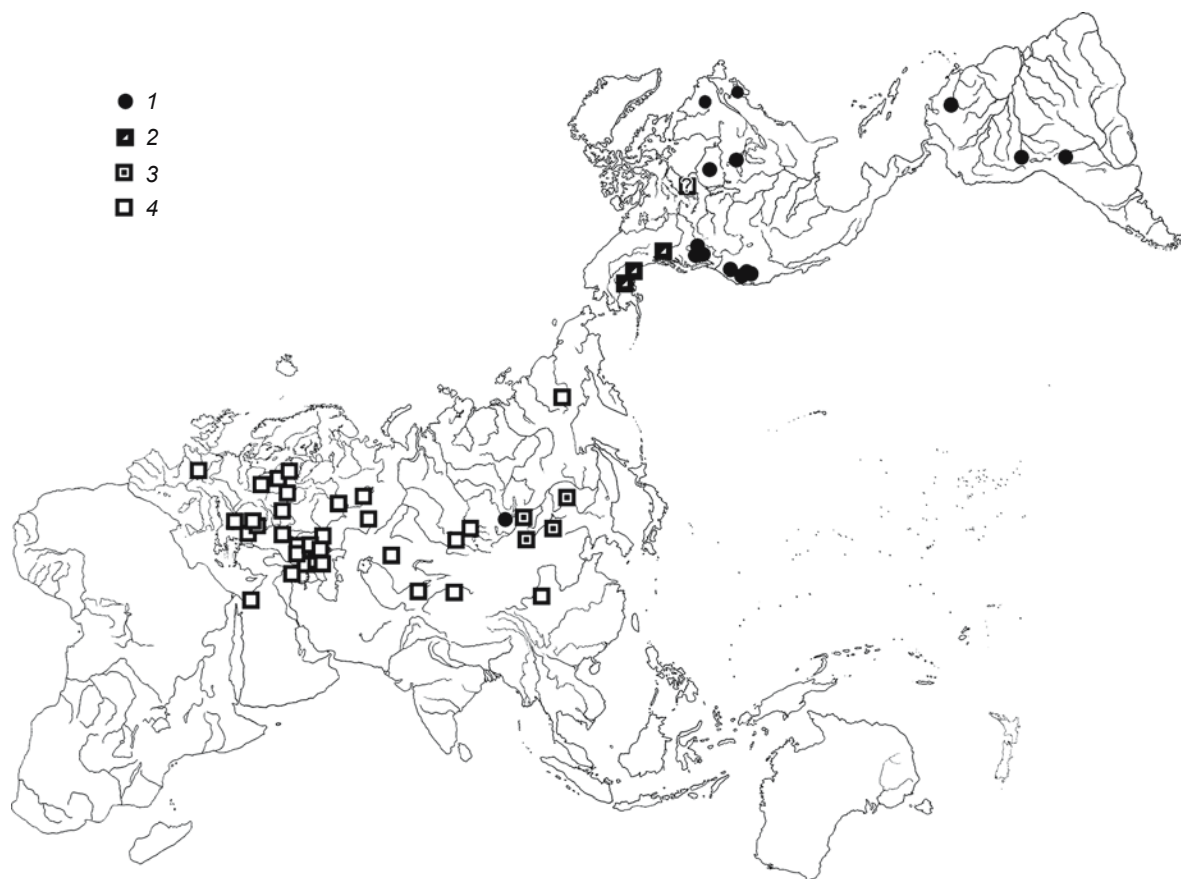

Рис. 3. Ареалы мотива «ложь кровососа» (B50).

1 – гром спрашивает комара, тот намеренно лжет либо не может ответить (у матако комар лжет грому, но не для того, чтобы отвести от людей угрозу); 2 – другие протагонисты, персонаж намеренно лжет, чтобы отвести от людей угрозу; 3 – комара расспрашивает царь птиц, тот не может ответить; 4 – комара расспрашивает змей, черт или иной персонаж, тот не может ответить или лжет не для того, чтобы отвести от людей угрозу (у кри – европейское заимствование).

В варианте эяк комары сказали водяному жуку, что насытились не человеческой кровью, а черной землей, поэтому жуки, которые крупнее комаров, для людей безвредны [Johnson, 1988, p. 70].

Все остальные американские версии стандартны и, вероятно, восходят к единственному прототипу, вследствие чего их обилие не свидетельствует против первоначальной связи мотива с на-дене. Во всех случаях гром спрашивает комара, где тот напился крови. Комар указывает на деревья, а не на людей, поэтому люди во время грозы гибнут редко. Подобные тексты записаны у сэлишей севера Колумбийского плато (томпсон, лиллуэт и шусвап) [Teit, 1898, p. 56; 1909, p. 709; 1912, p. 311–312], у живущих южнее калапуя, чей язык предположительно относится к макросемье пенути [Jacobs, 1945, p. 132], а также у некоторых пенути и хока на севере Калифорнии, включая шаста, винту и майду [Curtis, 1976, vol. 13, p. 206; 1976, vol. 14, p. 176; Dixon, 1912, p. 151–173; DuBois, Demetracopoulou, 1931, p. 393; Shipley, 1991, p. 161–167]. Аналогичные алгонкинские варианты

(северные оджибва, чиппева, наскапи, микмак, кри Северной Манитобы [Barnouw, 1977, p. 158; Clay, 1978, p. 81–84; Millman, 1993, p. 100; Parsons, 1925, p. 84–85; Ray, Stevens, 1971, p. 92; Whitehead, 1988, p. 158–159]) почти наверняка восходят к версии, появившейся благодаря миграции протоалгонкинов с Колумбийского плато на восток Северной Америки [Березкин 2010а, с. 34–36]. При этом у кри на местный вариант наложился европейский, принесенный на территорию Канады французскими или другими переселенцами. В Южной Америке миф о громе и комаре есть у венесуэльских ярупо [Wilbert, Simoneau, 1990, p. 82], перуанских харакмбет [Califano, 1995, p. 186] и в неполном виде у аргентинских матако [Metrax, 1935, p. 141].

Наиболее близкая американским версиям евразийская параллель зафиксирована у бурят [Тугутов И.Е., Тугутов А.И., 1992, с. 80]. Громовержец посылает осу узнать, в кого бить молнией, и та летит сообщить, что бить следует в человека. Ласточка отрывает осе язык и объясняет громовержцу, что самое

вкусное – это сок лиственниц, в них и надо метать молнии. В других версиях, записанных среди монголоязычных народов (кроме калмыков), речь идет не о громовержце, а о царе птиц [Беннингсен, 1912, с. 21; Попов, Басангов, 1936, с. 31–32; Потанин, 1881, с. 159; Тугутов И.Е., Тугутов А.И., 1992, с. 78–79; Stuart, Xuewei, Shelear, 1994, p. 83; Taube, 2004, S. 21–22]. Его имя обычно восходит к индийской Гаруде, но нельзя исключать, что в данном контексте этот образ имеет отношение к громовой птице североамериканских индейцев. В остальных версиях, известных вплоть до Франции и Передней Азии, антагонистом является змей, черт и т.п., а мнимый «деликатес» либо вообще не назван, либо это змеи, лягушки, мыши. Западно-евразийские версии часто связаны с историей Ноева ковчега и, скорее всего, распространились недавно. Эвенская версия, территориально ближайшая к Аляске, имеет южное происхождение – в ней действуют те же змея, комар и ласточка, что в казахских или дунганской версиях [Роббек, 2005, с. 190].

Мотивы I6 и K27уу касаются темы трудных задач, которые злой тесть предлагает герою, и нередко

соединены в одном тексте. В повествованиях с мотивом I6 герой встречает могучих птиц, которые мыслятся воплощением погодных явлений и несут с собой снег, ветер, град и т.п. (рис. 4). В американских вариантах самец и самка противопоставлены друг другу как несущие разные виды осадков (ливень и мелкий дождик, дождь и град и т.п.). В Старом Свете то же противопоставление есть у челканцев Алтая [Кандаракова, 1988, с. 44–72]. В остальных евразийских вариантах, записанных от Маньчжурии до Северного Кавказа, речь идет о единственной птице-самке. В Америке мотив в основном зафиксирован у на-дене, в т.ч. у тлинкитов [Swanton, 1909, p. 97], северных атапасков (коюкон, танана, кучин, верхние танана, тагиш, южные тутчони, каска, бивер, хэа, слевы, чипевайян, йеллоунайф [Chapman, 1914, p. 101–102; Goddard, 1912, p. 46–49; 1916, p. 232–237; Jetté, 1909, p. 498; Lowie, 1912, p. 189–193; McClelland, 2007, p. 68–71; McGary, 1984, p. 412–415; McKennan, 1959, p. 179–180; 1965, p. 101–103; Moore, Wheelock, 1990, p. 43–48; Norman, 1990, p. 111–113; Peter, Pope, 1976, p. 5–9; Petitot, 1886, p. 141–144, 321–327, 352–361; Schmitter, 1910, p. 21–23; Teit,

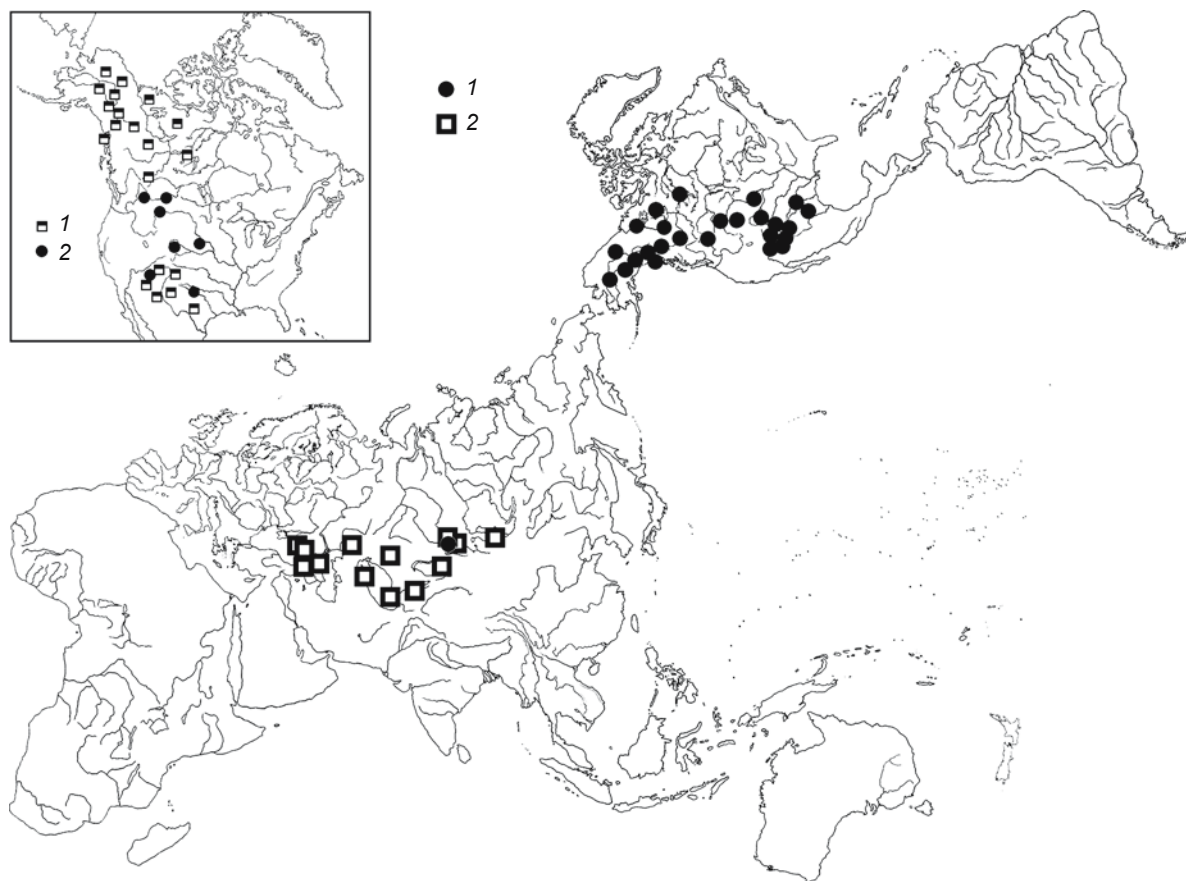

Рис. 4. Ареалы мотива «птицы, несущие бурю» (I6).

1 – самец и самка приносят разные виды осадков (ливень и слабый дождь, дождь и град, и т.п.); 2 – упоминается только самка, несущая дождь, град и т.п. На врезке: 1 – на-дене (атапаски и тлинкиты); 2 – прочие группы.

Рис. 5. Ареалы мотива «за птицей на дерево» (K27yy).

1917, p. 435–441; Workman, 2000, p. 91–100; Wright, 1908]) и южных атапасков (липан, чирикаау, хикарилья, западные апачи, мескалеро, навахо [Goddard, 1918, p. 7–19; 1919, p. 132–135; Goodwin, 1994, p. 12–16; Hoijer, 1938, p. 5–13, 183–188; Matthews, 1994, p. 116–121; Mooney, 1898, p. 200–209; O'Bryan, 1956, p. 87–92; Opler, 1938, p. 57–77; 1940, p. 19–21; 1942, p. 3–13; Russel, 1898, p. 255–258]). Остальные группы индейцев, знакомые с данным мотивом, включая кутенэ, гровантр, кроу, омаха и понка, арапахо, вичита и хопи, скорее всего, контактировали с атапасками после начала их продвижения с территории Канады на юг [Cooper, 1975, p. 482–487; Dorsey G.A., 1904, p. 122–123; Dorsey J.O., 1890, p. 30; Dorsey G.A., Kroeber, 1903, p. 346, 353, 364–368, 381–384; Kroeber, 1907, p. 82–90; Linderman, 1997, p. 90–107; Lowie, 1918, p. 144–148; Stephens, 1929, p. 17–18].

В повествованиях с мотивом K27yy герой, по приказу тестя либо по собственной инициативе, должен достать перо, птенца, кору, плод и т.п. и для этого отправиться к дереву или скале, где его поджидает опасность (рис. 5). В Старом Свете этот мотив представлен лишь на юге Сибири у челканцев, алтайцев и бурят [Дугаров, 1990, с. 223–244; Кандаракова,

1988, с. 44–72; Садалова, 2002, с. 173–201]. В Новом Свете он характерен прежде всего для северных атапасков – верхних танана, кучин, тагиш, внутренних тлинкитов, каска, бивер и слевы [Goddard, 1916, p. 232–237; McClelland, 2007, p. 653–661; McKennan, 1959, p. 179–182; 1965, p. 100–103; Mishler, 2004, p. 147–151; Moore, Wheelock, 1990, p. 43–48; Norman, 1990, p. 109–113; Petitot, 1886, p. 321–327; Schmitter, 1910, p. 21–23; Teit, 1917, p. 435–441]). На американском континенте мотив встречается и за пределами Субарктики, но единственная языковая семья, с которой он связан систематически, это на-дене. Наличие южно-американских версий – довод в пользу того, что мотив проник в Новый Свет в то время, когда миграции из Северной Америки в Южную еще не закончились.

Следующий мотив рассматриваемой группы – «антагонист в облике зверя» (рис. 6). Персонаж, дающий герою трудные поручения, велит убить или укротить опасное животное либо не убивать определенное животное во время охоты. Герой вовремя узнает, что это животное – сам антагонист либо его дочь или жена. В Новом Свете мотив известен почти исключительно северным атапаскам (медведица –

Рис. 6. Ареалы мотива «антагонист в облике зверя» (K27p1).
 Антагонист превращается: 1 – в медведя; 2 – в дикое копытное животное; 3 – в жеребца.

дочь противника). Такие тексты записаны у кучин, атна, хан, верхних танана, тагиш, южных тутчони, талтан, бивер, слев и чилкотин [Farrand, 1900, p. 24–26; Goddard, 1916, p. 232–237; McClelland, 2007, p. 72–77, 369–372; McKennan, 1959, p. 179–182; 1965, p. 100–103; Mishler, 2004, p. 147–151; Petitot, 1886, p. 321–327; Schmitter, 1910, p. 21–23; Tansy, [s.a.], p. 8–14; Teit, 1921, p. 235–236]. Несколько записей сделано в пределах Колумбийского плато и прилегающей части тихоокеанского побережья у элишей (оканагон, коулиц [Adamson, 1934, p. 209–211, 214–215, 225–216; Hill-Tout, 1911, p. 150–152]) и пенути (кус, модок [Curtin, 1912, p. 359–365; Jacobs, 1940, p. 214–221]). В последнем случае антагонист или его сын превращаются не в медведя, а в лося или оленя. В Евразии близкие параллели зафиксированы у бурят (противник, ставший медведем [Баранникова и др., 1993, с. 117–141]), менее близкие – у нанайцев (противник, ставший трехногой косулей [Аврорин, 1986, с. 206–208]). В европейских версиях речь идет не об охоте на диких зверей, а об укрощении жеребца, облик которого принимает антагонист.

Мотив «принеси шампур!» (L99) не имеет столь же четкой привязки к на-дене, как предыдущие, но тоже связывает внутренние районы Аляски с Южной Сибирью (рис. 7). Среди северных атапасков мотив зафиксирован у коюкон и кучин [Camsell, 1915, p. 256–257; Wright, 1908]. Его отсутствие у апачей и навахо, продвижение которых на юг началось не с запада Аляски, а с Юкона, не удивительно. Мотив популярен у алгонкинов (оджибва, степные оджибва и кри, кри Северной Манитобы, малесит, сарси [Ahenakew, 1929, p. 352–353; Brightman, 1989, p. 30–31, 40–45; Clay, 1978, p. 64–67; Dzana-gu, 1921, p. 12; Josselin de Jong, 1913, S. 16–18; Linderman, 1920, p. 59–68; Mechling, 1914, p. 59–62; Skinner, 1916, p. 350; 1919, p. 290]) и известен также сиуязычным ассинибойн [Lowie, 1909, p. 128–129], чей фольклор алгонкинскому вообще близок. Многочисленные эксклюзивные фольклорные параллели между алгонкинами и народами Западной Аляски и Чукотки [Березкин, 2010а, с. 54–64] отражают ход миграции предков носителей этих языков из Берингоморья вглубь Северной Америки. В данном случае атапаскские и алгонкинские варианты также очень похожи.

Рис. 7. Ареалы мотива «принеси шампур!» (L99).

1 – герою помогает ласка, горностай или куница-рыболов; 2 – герой – журавль, который то выпрямляет шею, то сгибает ее, мешая людоедке выбрать подходящий шампур; 3 – прочие варианты.

Если все американские версии восходят к общему прототипу, то он должен был быть принесен в Новый Свет до того, как предки алгонкинов ушли с Аляски, поскольку версии элишей и чинук [Adamson, 1934, p. 143–144; Boas, 1894, p. 110–111], равно как алтайская, бурятская и саамская [Дугаров, 1990, с. 282–291; Кандаракова, 1988, с. 125–127; Læstadius, 2002, p. 241–242], содержат другие подробности и должны были разойтись с алгонкинскими и атапаскскими раньше, чем те отделились друг от друга.

Обсуждение и выводы

Археологи появление на-дене в Америке чаще всего связывают с индустрией денали, которая характеризуется микролитической техникой, основанной на клиновидных ядрищах, и восходит к дюктайской культуре Северо-Восточной Азии [Васильев, 2004, с. 112; Foster, 1996, p. 77; Potter, 2010, p. 155–156]. Калиброванные даты позволяют относить начало денали ко второй половине XIII тыс. до н.э. [Васильев, 2004, с. 112; Holmes, 2011], а поздний этап этой тра-

диции связывать с голоценом. В конце V тыс. до н.э. на Аляске появляется арктическая традиция малых орудий (AST), также имеющая, по общему мнению, сибирские корни. Ее создатели принесли в Америку лук и стрелы. В начале III тыс. до н.э. AST достигает Гренландии [Anderson, 2011, p. 6]. Других свидетельств контактов между Сибирью и Аляской в конце плейстоцена – среднем голоцене не обнаружено. Обычно AST связывают с появлением в Америке культур палеоэскимосского типа (индепенденс-1 и саккак в Гренландии), и уже поэтому ассоциация с на-дене более ранних комплексов Аляски выглядит правдоподобнее, чем их ассоциация с AST. Гипотеза раннего проникновения на-дене в Новый Свет подтверждается, кстати, и наличием мотивов «ложь кровососа» и «за птицей на дерево» в Южной Америке. Если бы на-дене были связаны с AST и проникли на Аляску 6 тыс. л.н., как это допускает Д. Дюмонд [Dumond, 2010], южно-американские параллели для соответствующих аляскинских повествований выглядели бы загадочно. В пользу ассоциации на-дене с денали свидетельствует и ареальная корреляция денали с языками на-дене: соответствующая тради-

ция не распространилась в Америке далее Западной Субарктики. Никакие другие археологические материалы подобной корреляции не дают.

Дюктайская традиция не достигла Саяно-Алтайского региона, в фольклоре на-дене нет значимых параллелей с фольклором обитателей Якутии, Забайкалья, Колымы, Чукотки и Камчатки (Ушки VI), где выявлены дюктайские и близкие к ним памятники. Этот факт не противоречит приведенным данным. Если носители дюктайской культуры ушли в Америку, то подобных параллелей и не должно быть. В голоцене на северо-востоке Сибири сменилось несколько культурных традиций, связанных с приходом нового населения – от создателей сумнагинской культуры до тунгусов и якутов. С учетом низкой демографической плотности на Азиатском Северо-Востоке надеяться на сохранение здесь элементов культуры тех охотников-собирателей, которые осваивали регион после ледникового максимума, не приходится. Однако отдельные параллели фольклору на-дене вполне ожидаемы за южной границей ареала дюктайской культуры, где плотность населения всегда была выше и соответствующие традиции могли сохраниться у тех групп, которые контактировали с дюктайцами.

Вопрос о том, на каком языке говорили эти люди, не находится в компетенции археологов и фольклористов. Стоит лишь отметить, что если 15 тыс. л.н. обитатели Саяно-Алтая говорили на «дене-кавказских» языках (что исторически допустимо), то это не могли быть собственно енисейские языки уже потому, что те вряд ли столь рано оформились в особую ветвь. Наши материалы не свидетельствуют и о специфических связях на-дене с сино-тибетцами: соответствующих мотивов в фольклоре сино-тибетских народов пока не обнаружено.

Фольклор на-дене очень своеобразен. Он находит параллели в фольклоре обитателей Южной Сибири и в определенной степени близок к фольклору эскимосов, а кроме того, включает группу мотивов, связанных с объяснением смертной природы людей. Данные мотивы находят соответствия в Южной Америке, Меланезии, Австралии и в Африке южнее Сахары, где они могли появиться десятки тысяч лет назад [Березкин, 2010б; 2013, с. 31–57; Березкин, Боринская, 2014]. Элементы, унаследованные от живших в Азии языковых предков, в культуре исторических на-дене явно соединены с другими, принесенными в Новый Свет в разное время. Поскольку пути всех мигрантов проходили через Аляску, местная фольклорная традиция не может не содержать разновременных наслоений. Но в фольклоре и мифологии атапасков есть и такие мотивы, которые больше вообще нигде не встречаются, и это довод в пользу длительной изоляции.

Наши данные свидетельствуют о том, что какие-то группы людей, чье культурное наследие сохранилось у на-дене, контактировали с населением Южной Сибири. Область от Алтая до Прибайкалья, где сосредоточено большинство параллелей фольклору на-дене, не содержит систематических параллелей ни с одним другим ареальным комплексом мотивов, характерным для Нового Света. Такие параллели сконцентрированы либо в более северных областях Западной и Восточной Сибири, либо в более южных степных районах. Другие же, помимо рассмотренного, комплексы мотивов, содержащиеся в фольклоре глинокитов, зяк и атапасков, систематических параллелей с фольклором отдельных регионов Евразии не несут.

Список литературы

- Авrorин В.А.** Материалы по нанайскому языку и фольклору. – Л.: Наука, 1986. – 256 с.
- Баранникова Е.В., Бардаханова С.С., Гунгарова.** Бурятские волшебные сказки. – Новосибирск: Наука, 1993. – 341 с.
- Беннингсен А.П.** Легенды и сказки Центральной Азии. – СПб.: [Тип. А.С. Суворина], 1912. – 168 с.
- Березкин Ю.Е.** Южносибирско-североамериканские связи в области мифологии // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2003. – № 2. – С. 94–105.
- Березкин Ю.Е.** Космическая охота: варианты сибирско-североамериканского мифа // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2005. – № 2. – С. 141–150.
- Березкин Ю.Е.** Из мифологии алгонкинов и атапасков // Открытие Америки продолжается. – СПб.: МАЭ РАН, 2010а. – Вып. 4. – С. 6–96.
- Березкин Ю.Е.** Мифологические объяснения смертности человека и проблема происхождения на-дене // От бытия к инобытию. Фольклор и погребальный ритуал в традиционных культурах Сибири и Америки. – СПб.: МАЭ РАН, 2010б. – С. 7–50.
- Березкин Ю.Е.** Кадык в культурном пространстве Северной Пацифики // Эскимосы аллютин: (Каталог коллекций Кунсткамеры). – СПб.: Наука, 2010в. – С. 421–450.
- Березкин Ю.Е.** Африка, миграции, мифология. Ареалы распространения фольклорных мотивов в исторической перспективе. – СПб.: Наука, 2013. – 319 с.
- Березкин Ю.Е., Боринская С.А.** О чем говорили наши далекие предки // Природа. – 2014. – № 12. – С. 48–54.
- Васильев С.А.** Древнейшие культуры Северной Америки. – СПб.: ИИМК РАН, 2004. – 144 с.
- Долгих Б.О.** Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке. – М.: Изд-во АН СССР, 1960. – 622 с.
- Дугаров Б.** Бурятские народные сказки. – М.: Современник, 1990. – 383 с.
- Кандаракова Е.П.** Алтайский фольклор. – Горно-Алтайск: Горно-Алт. отд-ние Алт. кн. изд-ва, 1988. – 216 с.
- Карьялайнен К.Ф.** Религия югорских народов. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1995. – Т. 2. – 284 с.
- Краусс М.Э.** Языки коренного населения Аляски: прошлое, настоящее и будущее // Традиционные культуры Се-

- верной Сибири и Северной Америки. – М.: Наука, 1981. – С. 149–181.
- Попов Н., Басангов Б.** Казахские и ойротские сказки. – М.: Гос. изд-во по вопр. радио, 1936. – 46 с.
- Потанин Г.Н.** Очерки Северо-Западной Монголии. – СПб.: [Тип. Киршбаума], 1881. – Вып. II. – 181 с.
- Рассадин В.И.** Легенды, сказки и песни седого Саяна. Тофаларский фольклор. – Иркутск: Комитет по культуре Иркут. обл. администрации, 1996. – 249 с.
- Роббек В.А.** Фольклор эвенов Березовки. – Якутск: СО РАН, 2005. – 362 с.
- Садалова Т.М.** Алтайские народные сказки. – Новосибирск: Наука, 2002. – 454 с.
- Старостин С.А.** Гипотеза о генетических связях синотибетских языков с енисейскими и северокавказскими языками // Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока. – М.: Ин-т востоковед. АН СССР, 1984. – Ч. 4. – С. 19–38.
- Тугутов И.Е., Тугутов А.И.** Небесная дева лебедь. Бурятские сказки, предания и легенды. – Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1992. – 368 с.
- Adamson T.** Folk Tales of the Coast Salish. – N.Y.: Am. Folklore Soc., 1934. – 430 p.
- Ahenakew E.** Cree trickster tales // J. of Am. Folklore. – 1929. – Vol. 42. – P. 309–353.
- Anderson J.** From Alaska to Greenland: A comparison of the Arctic Small Tool and Thule Traditions // Totem: The Univ. of Western Ontario J. of Anthropol. – 2011. – Vol. 12, iss. 1. – P. 6–15.
- Barnouw V.** Wisconsin Chippewa Myths and Tales. – Madison: Univ. of Wisconsin Press, 1977. – 295 p.
- Bengtson J., Starostin G.** The DeneSinoCaucasian hypothesis: state of the art and perspectives. – 2012. – Ms.
- Berezkin Y.E.** Review of “Thomas A. Gregor & Donald Tuzin, eds. Gender in Amazonia and Melanesia. An Exploration of the Comparative Method. Berkeley, Los Angeles, London: University of California Press, 2001. 392 p.” // Latin Am. Indian Literatures J. – 2002. – Vol. 18, N 1. – P. 84–91.
- Berezkin Y.E.** Selecting separate episodes of the peopling of the New World: Beringian–Subarctic–Eastern North American folklore links // Anthropol. Papers of the Univ. of Alaska. – 2010. – Vol. 5, N 1/2. – P. 257–276.
- Boas F.** Chinook Texts. – Wash.: Smithsonian Inst., 1894. – 278 p.
- Boraas A.** Dena’ina origins and prehistory // Nanutset ch’u Q’udi Gu. Before Our Time and Now. An Ethnohistory of Lake Clark National Park & Preserve. – Anchorage: Lake Clark National Park & Preserve, 2007. – P. 31–40.
- Brightman R.A.** Ācaoōhkiwina and Ācimōwina. Traditional Narratives of the Rock Cree Indians. – Hull (Quebec): Canadian Museum of Civilization, 1989. – 223 p.
- Califano M.** La concepción del mundo entre los *Huachipaire* (Harakmbet). El *KÜREDN-NDÁRI* (cielo) // Scripta ethnologica. – 1995. – Vol. 17. – P. 181–190.
- Campbell L.** American Indian Languages. – N.Y.; Oxford: Oxford Univ. Press, 1997. – 512 p.
- Camsell C.** Loucheux myths // J. of Am. Folklore. – 1915. – Vol. 28. – P. 249–257.
- Cavalli-Sforza L.L., Menozzi P., Piazza A.** The History and Geography of Human Genes. – Princeton: Princeton Univ. Press, 1994. – 1088 p.
- Chapman J.W.** Ten’a Texts and Tales from Anvik, Alaska. – Leyden: E.J. Brill; N.Y.: G.E. Stechert, 1914. – 230 p.
- Clay C.** Swampy Cree Legends. – Ontario: Pine Ridge Publ., 1978. – 95 p.
- Cooper J.** The Gros Ventres of Montana. Part 2. – Wash.: The Catholic Univ. of Am. Press, 1975. – 491 p.
- Curtin J.** Myths of the Modocs. – Boston: Little, Brown, and Co., 1912. – 389 p.
- Curtis E.S.** The North American Indian: Vols. 1–20. – N.Y.; San Francisco; L.: Johnston Reprinting Corporation, 1976. – Vol. 13. – 316 p.; Vol. 14. – 284 p.
- Dixon R.B.** Maidu Texts. – Leyden: Am. Ethnol. Soc., 1912. – 241 p.
- Donner K.** Ethnological notes about the Yenisey-Ostyak. – Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1933. – 104 p.
- Dorsey G.A.** The Mythology of the Wichita. – Wash.: Carnegie Inst. of Wash., 1904. – 351 p.
- Dorsey G.A., Kroeber A.L.** Traditions of the Arapaho. – Chicago: Field Columbian Museum, 1903. – 475 p.
- Dorsey J.O.** The Cegiha Language. – Wash.: Gov. Print Office, 1890. – 794 p.
- DuBois C., Demetracopoulou D.** Wintu myths // Univ. of California Publications in Am. Archaeology and Ethnology. – 1931. – Vol. 28, N 5. – P. 279–403.
- Dumond D.** The Dene arrival in Alaska // Anthropol. Papers of the Univ. of Alaska. – 2010. – Vol. 5, N 1/2. – P. 335–346.
- Dzana-gu.** Tsuut’ina Stories. – Calgary: Internet publication of 2011 by Tsuut’ina Gunaha Inst., 1921. – 51 p.
- Farrand L.** Traditions of the Chilcotin Indians. – N.Y.: Am. Museum of Natural History, 1900. – 54 p.
- Foster M.K.** Language and the culture history of North America // Handb. of North Am. Indians. – 1996. – Vol. 17. – P. 64–110.
- Gilmore K.P.** And miles to go before I sleep: a model for prehistoric Athapaskan migration along the Western High Plains margin / Submitted to the Soc. for Am. Archaeology Student Paper Award Competition, Jan. 2, 2006. – San Juan, Puerto Rico, [s.a.] – 34 p.
- Goddard P.E.** Chipewyan texts // Anthropol. Papers of the Am. Museum of Natural History. – 1912. – Vol. 10, N 1. – P. 1–66.
- Goddard P.E.** The Beaver Indians // Anthropol. Papers of the Am. Museum of Natural History. – 1916. – Vol. 10, N 4. – P. 201–293.
- Goddard P.E.** Myths and tales from the San Carlos Apache // Anthropol. Papers of the Am. Museum of Natural History. – 1918. – Vol. 24, N 1. – P. 3–86.
- Goddard P.E.** Myths and tales from the White Mountain Apache // Anthropol. Papers of the Am. Museum of Natural History. – 1919. – Vol. 24, N 2. – P. 87–139.
- Goodwin G.** Myths and Tales of the White Mountain Apache. – Tucson; L.: Univ. of Arizona Press, 1994. – 223 p.
- Golla V.** Linguistic prehistory // Californian Prehistory. – Lanham: Altamira Press, 2007. – P. 71–82.
- Greenberg J.H., Turner C.G., Zegura S.L.** The settlement of the Americas: a comparison of the linguistic, dental, and genetic evidence // Current Anthropology. – 1986. – Vol. 27. – P. 477–497.
- Haile B.** Navajo Coyote Tales. – Lincoln; L.: Univ. of Nebraska Press, 1984. – 146 p.

- Hill-Tout C.** Report on the ethnology of the Okana'k-ēn of British Columbia // *J. of the Royal Anthropol. Inst. of Great Britain and Ireland*. – 1911. – Vol. 41. – P. 130–161.
- Hoijer H.** Chiricahua and Mescalero Apache Texts. – Chicago; L.: Univ. of Chicago Press, 1938. – 219 p.
- Holmes Ch.E.** The Beringian and Transitional Periods in Alaska // *From the Yenisei to the Yukon: Interpreting Lithic Assemblage Variability in Late Pleistocene – Early Holocene Beringia*. – Collage Station: Texas A & M Univ. Press, 2011. – P. 179–191.
- Jacobs M.** Coos myth texts // *Univ. of Wash. Publications in Anthropol.* – 1940. – Vol. 8, N 2. – P. 127–260.
- Jacobs M.** Santiam Kalapuya myth texts // *Kalapuya Texts*. – Seattle: Univ. of Wash., 1945. – P. 83–142.
- Jetté J.** On Ten'a folk-lore // *J. of the Royal Anthropol. Inst. of Great Britain*. – 1909. – Vol. 39. – P. 460–505.
- Johnson J.** Eyak Legends. – Anchorage: Chugach Heritage Foundation, 1988. – 110 p.
- Josselin Jong J.P.B., de.** Original Odžibwe-Texts. – Leipzig; Berlin: Teubner, 1913. – 54 S.
- Kari J.** The concept of geolinguistic conservatism in Na-Dene prehistory // *Anthropol. Papers of the Univ. of Alaska*. – 2010. – Vol. 5, N 1/2. – P. 194 – 222.
- Kari J., Potter B.A.** The Dene-Yeniseian connection: bridging Asia and North America // *Anthropol. Papers of the Univ. of Alaska*. – 2010. – Vol. 5, N 1/2. – P. 1–32.
- Krauss M.E.** Na-Dene // *Current Trends in Linguistics*. – 1973. – Vol. 10. – P. 903–978.
- Krauss M.E.** Na-Dene // *Alaska Native Languages*. – Fairbanks: Alaska Native Lang. Center, 1980. – P. 903–978.
- Kroeber A.L.** Gros Ventre myths and tales // *Anthropol. Papers of the Am. Museum of Natural History*. – 1907. – Vol. 1, p. 3. – P. 55–139.
- Læstadius L.L.** Fragments of Lappish Mythology. – Beverton: Aspasia Books, 2002. – 335 p.
- Linderman F.B.** Kootenai Why Stories. – Lincoln; L.: Univ. of Nebraska Press, 1997. – 166 p.
- Linderman F.B.** Indian Old Man Stories. – N.Y.: Charles Scribner's sons, 1920. – 169 p.
- Lowie R.H.** The Assiniboine. – N.Y.: Am. Museum of Natural History, 1909. – 270 p.
- Lowie R.H.** Chipewyan tales // *Anthropol. Papers of the Am. Museum of Natural History*. – 1912. – Vol. 10, N 3. – P. 173–200.
- Lowie R.H.** Myths and Traditions of the Crow Indians. – N.Y.: Am. Museum of Natural History, 1918. – 308 p.
- Magne M., Matson R.G.** Moving on: expanding perspectives on Athapaskan migration // *Canad. J. of Archaeol.* – 2010. – Vol. 34. – P. 212–239.
- Matthews W.** Navaho Legends. – Salt Lake City: Univ. of Utah Press, 1994. – 303 p.
- McClelland C.** My Old People's Stories: A Legacy for Yukon First Nations. – Whitehorse: Gov. of Yukon, 2007. – 804 p.
- McGary M.J.** Gwich'in Gwandak. – Fairbanks: Univ. of Alaska, 1984. – 998 p.
- McKenna R.A.** The Upper Tanana Indians. – New Haven: Yale Univ., 1959. – 226 p.
- McKenna R.A.** The Chandalar Kutchin. – Montreal: Arctic Inst. of North America, 1965. – 156 p.
- Mechling W.H.** Malecite Tales. – Ottawa: Canada Dep. of Mines, 1914. – 133 p.
- Metraux A.** El universo y la naturaleza en las representaciones míticas de dos tribus salvajes // *Rev. del Inst. de Etnología de la Univ. Nac. de Tucumán*. – 1935. – Vol. 3, N 1. – P. 131–144.
- Millman L.** Wolverine Creates the World. Labrador Indian Tales. – Santa Barbara: Capra Press, 1993. – 253 p.
- Mishler C.** Han, People of the River. – Fairbanks: Univ. of Alaska Press, 2004. – 298 p.
- Mooney J.** The Jicarilla Genesis // *Am. Anthropologist*. – 1898. – Vol. 11. – P. 197–209.
- Moore P., Wheelock A.** Wolverine Myths and Visions. – Lincoln; L.: Univ. of Nebraska Press, 1990. – 259 p.
- Nelson R.H.** Make Prayers to the Raven. A Koyukon View of the Northern Forest. – Chicago; L.: Univ. of Chicago Press, 1983. – 292 p.
- Norman H.** Northern Tales. – N.Y.: Pantheon Fairy Tale and Folklore Library, 1990. – 347 p.
- O'Bryan A.** The Diné. – Wash.: Smithsonian Inst., 1956. – 187 p.
- Opler M.E.** Myths and Tales of the Jicarilla Apache Indians. – N.Y.: Am. Folklore Soc., 1938. – 406 p.
- Opler M.E.** Myths and Legends of the Lipan Apache Indians. – N.Y.: Am. Folklore Soc., 1940. – 296 p.
- Opler M.E.** Myths and Tales of the Chiricahua Apache Indians. – N.Y.: Am. Folklore Soc., 1942. – 114 p.
- Parsons E.C.** Micmac folklore // *J. of Am. Folklore*. – 1925. – Vol. 38. – P. 55–133.
- Peter K., Pope M.L.** Alaskan Folktales. – Austin: Dissemination and Assessment Center for Bilingual Education, 1976. – 73 p.
- Petitot É.** Traditions Indienne du Canada Nord-Ouest. – P.: Maisonneuve Frères et Ch. Leclerc, 1886. – 521 p.
- Potter B.A.** Archaeological patterning in Northeast Asia and Northwest North America: an examination of the Dene-Yeniseian hypothesis // *Anthropol. Papers of the Univ. of Alaska*. – 2010. – Vol. 5, N 1/2. – P. 138–167.
- Ray C., Stevens J.** Sacred Legends of the Sandy Lake Cree. – Toronto: McClelland and Steward, 1971. – 144 p.
- Ruhlen M.** The origin of the Na-Dene // *Proceedings of the National Academy of Sciences*. – 1998. – Vol. 95. – P. 13994–13996.
- Russel F.** Myths of the Jicarilla Apache // *J. of Am. Folklore*. – 1898. – Vol. 11. – P. 253–271.
- Schmitter F.** Upper Yukon Native Customs and Folklore. – Wash.: Smithsonian Inst., 1910. – 30 p.
- Shipley W.F.** The Maidu Indian Myths and Stories of Hanc'ibym. – Berkeley: Heydas Books, 1991. – 181 p.
- Skinner A.** Plains Cree tales // *J. of Am. Folklore*. – 1916. – Vol. 29. – P. 341–367.
- Skinner A.** Plains Ojibwa tales // *J. of Am. Folklore*. – 1919. – Vol. 32. – P. 280–305.
- Scott G.R., O'Rourke D.** Genes across Beringia: a physical anthropological perspective on the Dene-Yeniseian hypothesis // *Anthropol. Papers of the Univ. of Alaska*. – 2010. – Vol. 5, N 1/2. – P. 119–137.
- Starostin G.** DeneYeniseian: a critical assessment // *J. of Lang. Relationship*. – 2012. – Vol. 8. – P. 117–152.
- Stephens A.M.** Hopi tales // *J. of Am. Folklore*. – 1929. – Vol. 42. – P. 1–72.
- Stuart K., Xuwei L., Shelear.** China's Dagur Minority: Society, Shamanism, and Folklore. – Philadelphia: Univ. of Pennsylvania, 1994. – 176 p.

- Swanton J.R.** Tlingit Myths and Texts. – Wash.: Smithsonian Inst., 1909. – 351 p.
- Tansy J.** Indian Stories. – Cantwell: Alaska Native Lang. Center, [s.a.]. – 89 p.
- Taube E.** Volksmärchen der Mongolen. – München: Biblion Verl., 2004. – 500 S.
- Teit J.A.** Traditions of the Thompson River Indians of British Columbia. – Boston; N.Y.: Am. Folklore Soc., 1898. – 137 p.
- Teit J.A.** The Shuswap // Memoires of the Am. Museum of Natural History. – 1909. – Vol. 4. – P. 443–813.
- Teit J.A.** Traditions of the Lillooet Indians of British Columbia // J. of Am. Folklore. – 1912. – Vol. 25. – P. 287–371.
- Teit J.A.** Kaska tales // J. of Am. Folklore. – 1917. – Vol. 30. – P. 427–473.
- Teit J.A.** Tahltan tales // J. of Am. Folklore. – 1919. – Vol. 32. – P. 198–250.
- Teit J.A.** Tahltan tales // J. of Am. Folklore. – 1921. – Vol. 34. – P. 223–253.
- Tenenbaum J.M.** Dena'ina Sukdu'a. Traditional Stories of the Tanaina Athapaskans. – Fairbanks: Alaska Native Lang. Center, 1984. – 281 p.
- Tyhurst R.** Comparative analysis of Northern and Southern Athapaskan "Slayer of Monsters" myth // Proceedings of the Second Congress, Canadian Ethnol. Soc. – Ottawa: National Museums of Canada, 1975. – Vol. 1. – P. 149–153.
- Vajda E.J.** A Siberian link with Na-Dene Languages // Anthropol. Papers of the Univ. of Alaska. – 2010a. – Vol. 5, N 1/2. – P. 33–99.
- Vajda E.J.** Yeniseian, Na-Dene, and historical linguistics // Anthropol. Papers of the Univ. of Alaska. – 2010b. – Vol. 5, N 1/2. – P. 100–118.
- Wallis W.D.** Folk tales from Shumopovi, Second Mesa // J. of Am. Folklore. – 1936. – Vol. 49. – P. 1–68.
- Whitehead R.H.** Stories from the Six Worlds. Micmac Legends. – Halifax: Nimbus, 1988. – 242 p.
- Wilbert J., Simoneau K.** Folk Literature of the Yuro Indians. – Los Angeles: Univ. of California, 1990. – 780 p.
- Workman M.** Kwädäy Kwändür. Traditional Southern Tutchone Stories. – Whitehorse: Yukon Native Lang. Center, 2000. – 128 p.
- Wright A.** An Athapascan tradition from Alaska // J. of Am. Folklore. – 1908. – Vol. 21. – P. 33–34.
- Yamada H.** Tales on the mole that shot the Sun: a comparative perspective // Mythologie du ciel. Vent – Oiseau – Etoiles. – Nagoya: Librairie Rakuro, 2009. – P. 27–42.

Материал поступил в редколлегию 25.09.14 г.

Yu.E. Berezkin

*Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) RAS
Universitetskaya Embankment, 3, St.-Petersburg, 199034, Russia
European University at St.-Petersburg,
Gagarinskaya St., 3, St.-Petersburg, 191187, Russia
E-mail: berezkin1@gmail.com, berezkin@kunstkameras.ru*

SIBERIAN FOLKLORE AND NA-DENE ORIGIN

Six motives were defined which are common for Na-dene native speakers in Northern America and the inhabitants of Southern Siberia. These motives exist in such composition nowhere. In Northern America Na-dene occupation is associated with the migration of Dyuktai culture bearers. Na-Dene folklore analogies are not presented at Yakutia, Kolyma, Chukotka and Kamchatka. It seems logical: Dyuktai population migrated to Alaska and their heritage was destroyed by the waves of new people. Common for Na-dene and native people of Siberia folkloric motives go up to the traditions of southern neighborhoods of Dyuktai people. The demographic density was higher at the territory from Altai to Transbaikal, than the territory northward. For this reason, the "Paleolithic" folklore remains might have been saved inspite of repeated shifts of language.

Keywords: America occupation, Siberian folklore, folklore of American Indians, Dene-Yenisei hypothesis, Sino-Caucasian hypothesis, Athapascan, Dyuktai culture.